
ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»: ФИЛОСОФСКИЙ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

О.Б. Брагина

Филологический факультет
Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226

Рассматриваются образы природы в романе И.С. Тургенева «Накануне», относящиеся к водному пространству. Соотношению сознательно-философского и глубинно-мифопоэтического в тургеневской образности и посвящена статья.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, роман «Накануне», мифопоэтика, водное пространство, образы природы.

К числу доминирующих образов природы в художественных произведениях И.С. Тургенева принадлежат образы водного пространства, которое включает в себя пруд, реку, озеро, море, а также дождь и снег. Они нередко становятся фоном, на котором совершаются важные события в жизни героев. Однако тургеневские пейзажи — не только и не столько фон для событийного ряда. Природа у Тургенева всегда самозначима и является средоточием философской мысли писателя, а также и глубинно-генетической памяти, что проявляется в ее мифопоэтической семантике.

Вода в народных представлениях — «сила целебная, очистительная... возрождает природу и потому принимается за божественный напиток, прогоняющий демонов, дарующий красоту, молодость...» [1. С. 571]. Но вместе с тем водное пространство — граница между «этим» и «тем» миром, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы. А как известно, тема смерти всегда волновала Тургенева особым образом. К тому же, как показал В.Н. Топоров, море как одна из субстанций водной стихии уже психологически было связано у Тургенева со смертью, а морская тема стала его «важным личным переживанием»: ученый имеет в виду историю, произошедшую с молодым писателем на горевшем пароходе [2. С. 613]. Также, по словам Н.Е. Разумовой, «водное» в поэтике Тургенева восходит к вечному, что «соответствует паскалевской формуле Вечность — а — Вечность (где «а» обозначает человеческую жизнь)» [3. С. 5]. Образ водного пространства вмещает в себя значения «бесконечного» во всех планах его проявления в жизни природы и человека, в том числе в безмерной и вечной любви, к которой стремятся герои Тургенева.

Не случайно роман «Накануне» открывается спором двух молодых людей — художника Шубина и ученого-философа Берсенева о красоте природы, о любви и о том, можно ли временную жизнь человека как-то соизмерить с вечностью. Спор этот отчасти продолжает размышления Рудина, героя предыдущего романа

писателя, но происходит он уже не в светской гостиной, а на лоне природы. И подобная «смена декорации» оказывается очень важной. Доминирующим образом в открывающем роман «Накануне» пейзаже является река, то есть водная субстанция. Действие разворачивается на берегу («В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жарких дней 1853 года лежали на траве два молодых человека» [4. С. 14], а все другие элементы пейзажа — деревья, цветы, насекомые — оказываются как бы вплетенными в прибрежное пространство, окружающее реку.

В центре пейзажа река, а вокруг нее все жужжит, шумит, кипит. Особую роль играют звуки, исходящие от реки: «От воды веяло свежестью, и тихий плеск небольших волн ласкал слух» [4. С. 15]. «Свежесть» реки подчеркивает гармонию природы и ее благодатное влияние на человека. Несмотря на то, что день был прекрасным, «тишина полуденного зноя тяготела над сияющей и заснувшей землей» [4. С. 10]. Она будто давила на землю, нагнетала обстановку. Но пока что эта тишина радостная: «мухи и пчелы, казалось, жужжали все тише; чистая мелкая трава изумрудного цвета, без золотых отливов, не колыхалась; высокие стебельки стояли неподвижно, как очарованные... все сверкало, все горело... Птиц не было слышно, они не поют в часы зноя, но кузнечики трещали повсеместно, и приятно было слушать этот горячий звук жизни...» [4. С. 11]. Практически ничего не слышно вокруг, но все звуки говорят о жизни природы, о вечном движении, которое она в себе заключает. Сами краски яркие, сверкающие, и эта картина вызывает лишь радостные эмоции и у читателя, и у героев. Но все-таки где-то глубоко присутствует тревога, и во многом потому, что вода неразрывно связана с представлениями об «опасном „чужом“ пространстве» [5. С. 96]. С одной стороны, спокойствие, умиротворение, а с другой — пугающая, хранящая в себе тайны стихия. К тому же река — метафора времени, она постоянно движется, как движется время. Быть может, не случайно герои думают о будущем и философствуют именно около реки.

Следующий важный развернутый пейзаж в романе — это изображение Царицынского парка. Доминирующая роль водной перспективы в данном пейзаже задает художественно-философскую глубину всему произведению прежде всего благодаря ее мифопоэтической семантике. Тургенев рисует светлую, яркую, праздничную картину. В этот день на небе не было ни облачка, «погода была чудесная... все кругом цвело, жужжало и пело; вдали сияли воды прудов». Именно на Царицынских прудах происходит первое сближение Елены и Инсарова. Пруд — это уже другой образ, нежели река, однако в данном случае в чем-то они созвучны друг другу: пруды «тянулись один за другим на несколько верст; сплошные леса темнели за ними» [4. С. 71]. И все же вода в пруду, в отличие от речной воды, стоит, не движется. В ней нет свежести и новизны, это ограниченное пространство. Оно наполнено большей тревогой. Не зря за каскадами прудов «темнеют сплошные леса». Эпизод, когда герои катаются на лодке в Царицынском парке, указывает читателям на приближение смерти: «лодка поплыла еще немного и остановилась, чуть-чуть закружилась на воде, как лебедь» [4. С. 72]. Дело в том, что

в народе существовало поверье: «как стихия, смывающая все нечистое, злое, демонское, вода... признана была за вернейшее средство внутреннего, духовного очищения от грехов» [1. С. 576]. Так и герои плывут по пруду: создается впечатление, что это очистительный обряд для Инсарова и Елены. Будто им прощаются все их грехи перед тем, как их сердца соединятся, однако ненадолго — в этой жизни. И хотя застывшая вода, а именно такая она в пруду, обычно предвещает смерть, там все-таки есть ключи или источники — своего рода сигналы обновления и надежды.

В данном описании, как и в случае с рекой, пруд излучает счастье, радость: «Мурава, покрывшая весь скат холма до главного пруда, придавала самой воде необыкновенно яркий, изумрудный цвет. Нигде, даже у берега, не вспыхнула волна, не белела пена; даже ряби не пробегало по ровной глади. Казалось, застывшая масса стекла тяжело и светло улеглась в огромной купели, и небо ушло к ней на дно, и кудрявые деревья неподвижно гляделись в ее прозрачное лоно» [4. С. 71]. Вода уже несвежая, старая, но Тургенев не окрашивает ее в болотный, глубокий зеленый цвет, он подчеркивает ее изумрудную лучезарность и даже «небесность» («небо ушло на дно»). Этот цвет несет в себе свежесть, светлость. Да и все вокруг окрашено чистыми красками, которые создают впечатление радости, легкости: «яркий цвет», «светло», «прозрачное лоно», «белела пена», «необыкновенно яркий», «изумрудный цвет», «ровная гладь», «огромная купель». Практически все глаголы в этом эпизоде с частицей «не» и, несмотря на то, что их немало, они не создают действия: «не вспыхнула», «не белела», «не пробегало». Примечательно, что в данном «недействии» идет явная отсылка к движению воды в реке.

В описании пруда благодаря звукам и краскам доминируют приподнятые чувства. Гуляя по Царицынским прудам, герои радуются и веселятся: Елена и Инсаров наслаждаются общением друг с другом, Зоя флиртует с Шубиным, Увар Иванович и Анна Васильевна любят природу. Все счастливы и довольны в этот день. И даже неприятная ситуация с немецкими офицерами, когда они дурно повели себя с Зоей, но Инсаров вступился за нее, не огорчает отдыхающих.

Но вот чем серьезнее становятся отношения Елены и Инсарова, тем чаще погода в романе меняется в худшую сторону. И тогда эмоциональные интонации пейзажа становятся более тревожными и мрачными. Все чаще появляются темные тона, зловещие звуки. Когда Елена решает признаться Инсарову в любви, начинается дождь. Яркое солнце сменяется ливнем и громом, но потом на небе снова появляется солнышко. Сама природа предупреждает героиню об опасности, но пока что это легкий намек. Когда крепкий и здоровый Инсаров идет делать Елене паспорт, начинается ливень. После этого случая он заболевает и именно вследствие этой болезни позже умирает. И в конце произведения, когда Елена везет мертвого мужа на его родину, начинается буря. Природа предупреждает героев на протяжении всего романа об опасности, причем во многом с помощью усиления не расположенной к человеку водной стихии.

Уже после отъезда Елены и Инсарова в Болгарию, на родину Инсарова, после его болезни, герои оказываются на море. Если пруд и река лишь намекали

на трагедию, то море — само воплощение трагедии. Именно по морю Елена везет в Болгарию тело умершего мужа. Море беспокойно и чувствует горе Елены, об этом свидетельствуют краски, которыми Тургенев изображает картину: «Адриатика катила перед ними мутно-синие волны; они пенились, шипели, набегали и, скрываясь назад, оставляли на песке мелкие раковины и обрывки морских трав» [4. С. 149]. Глаголы придают описанию не только динамику, но и звучание. Перед глазами появляется картина шторма, бури, где волны набегают одна на другую, все вокруг «кипит», «пенится», «шипит». Представляется ужасающая стихия, которая поглощает все на своем пути.

Кульминацией в развитии «водной» темы в романе становится сон Елены, в котором она «глядит в пруд, а пруд ширится, берега пропадают — уж это не пруд, а беспокойное море: огромные, лазоревые, молчаливые волны величественно качают лодку; что-то гремящее, грозное поднимается со дна; неизвестные спутники вдруг вскакивают, кричат, махают руками... Елена узнает их лица: ее отец между ними. Но какой-то белый вихорь налетает на волны... все закружилось, смешалось... Елена осматривается: по-прежнему все бело вокруг; но это снег, снег, бесконечный снег» [4. С. 161]. В центре этого пейзажа опять водная стихия. В этот момент сна Елены Инсаров умирает. В образе воды, переходящей из одной своей формы в другую: пруд — море — морская пена — снег актуализируются значения не просто тревожные, а тесно связанные со смертью. И в центре этой образной «водной» парадигмы оказывается море. Но, как пишет Н.Е. Разумова, «смерть перед морем не позволяет достичь... (героям. — О.Б.) цели именно как жизненной, но одновременно открывает полноту бытийного самоосуществления, недоступного другим» [3. С. 9]. Смерть перед морем придает недолгой жизни Инсарова целостность, полноту и ценность.

Конечно же, нельзя не вспомнить и о путешествии Елены и Инсарова по Венеции, стоящей на воде и представляющей собой сеть каналов. Один из их самых счастливых дней проходит в этом городе: «По широкой лагуне, отделяющей Венецию от узкой полосы наносного морского песку, называемой лидо, скользнула острогрудая гондола, мерно покачиваясь при каждом толчке падавшего на длинное весло гондольера. Под низенькою ее крышей, на мягких кожаных подушках, сидели Елена и Инсаров» [4. С. 148]. Как было сказано выше, семантика воды многозначна, связана с рождением, но и со смертью, гибелью. Более того, город на воде, при всей его красоте и лучезарности, становится для героев именно благодаря доминирующему водному пространству городом смерти.

Думается, что можно говорить о том, что в романе «Накануне» значения «бесконечного» как философской доминанты водного пространства коррелируют с мифопоэтической семантикой воды, силы животворной и в то же время смертоносной. Несмотря на то, что последнее значение традиционно представляется более важным для Тургенева-писателя, в его романе создается такая духовно-проблемная ситуация, которая не подразумевает однозначного ответа на вопрос о том, является ли смерть для человека конечной чертой. Смерть открывает путь в вечность, не подвластную земному разуму, а вода, земная и реальная стихия, является проводником в это поистине бесконечное пространство Неведомого.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев А.Н.* Славянская мифология. — М.; СПб., 2008.
- [2] *Топоров В.Н.* Странный Тургенев (Четыре главы). — М.: РГГУ, 1998.
- [3] *Разумова Н.Е.* Образы «бесконечного» у Тургенева // Томск: Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). — 2003. — Вып. 1 (33).
- [4] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Сочинения: В 12-ти т. — М.: Наука, 1981. — Т. 8.
- [5] Энциклопедический словарь: Славянская мифология. — М., 1994.

WATER SPACE IN THE TURGENEV'S NOVEL «THE DAY BEFORE»: PHILOSOPHICAL AND MIFOPHOETICHESKY

O.B. Bragina

The Department of Philology
Moscow city pedagogical university
2nd Selskohozyaistvennyi proezd, 4, Moscow, Russia, 129226

The nature images of the Turgenev's novel «The Day Before» are examined in the article and connected with the area of water space. Nature is always a focus of philosophical writer's thought and depth of memory, which is reflected in its mythopoetic semantics. The article is devoted to the correlation of consciousness and unconsciousness in that Turgenev's novel.

Key words: I.S. Turgenev, novel «The Day Before», mythopoetic, nature images, water space.